

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917

Научная статья / Research article

Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке?

Д.А. Казанцев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 dimkazanchev@mail.ru

Аннотация. Исследованиям протестного потенциала молодежи в последние годы уделяется повышенное внимание, особенно в контексте массовых протестных акций, прошедших в России как на федеральном, так и на региональном уровнях в 2020–2021 гг. Важной научной проблемой, которая имеет практическую значимость для органов государственной власти и политиков, становится определение мотиваций и факторов актуализации протестного потенциала учащейся молодежи, как наиболее организованного сегмента молодежной среды. На материалах 14 фокус-групп, проведенных в восьми приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока (Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай), и по итогам анализа социальных сетей и блогосферы указанных субъектов России, автор делает вывод о том, что учащаяся молодежь по отношению к протестным акциям сегодня испытывает многочисленные страхи, чувства усталости и разочарованности, к тому же факторы актуализации протестных настроений молодых людей сильно ограничены. Факты и угрозы уголовного преследования, применяемые властями к политическим активистам с 2019 г., а также давление со стороны государственных органов и агентов социализации, приводят к деморализации молодых людей и их отказу от участия не только в протестах, но и в мероприятиях провластного характера.

Ключевые слова: протест, протестный потенциал, молодежь, учащиеся, субъекты России, Сибирь, Дальний Восток

Для цитирования: Казанцев Д.А. Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 904–917. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ИЭСИ в рамках научного проекта № 21-011-31651 «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодежи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока».

© Казанцев Д.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Escape from Politics: Is There a Future for Youth Political Protests in Siberia and the Far East

Dmitry A. Kazantsev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 dimkazanchev@mail.ru

Abstract. In the last few years, great attention has been paid to the protest potential of students, especially in the context of the mass protests of 2021–2022, which happened at both federal and regional levels. An important scientific issue, which is of practical importance for public authorities and politicians, is determining the motivations and actualization of the student protest movements, as the most organized segment of the youth environment. Based on the results of 14 focus groups held in 8 border regions of Siberia and the Far East (including the Altai Krai, the Zabaykalsky Krai, the Primorsky Krai and the Khabarovsk Krai, the Omsk Oblast, as well as Tyva, Buryatia and Altai Republics) as well as the analysis of the social media and blogosphere of the mentioned regions, the author suggests that the students experience fears, weariness, and disappointment. However, the factors actualizing the protest moods are highly limited. Actual precedents and threats of criminal prosecution that have been applied to the political activists by the government since 2019, as well as the pressure from the authorities and the socialization agents, lead to the demoralization of the youth and their refusal to participate not only in protests but also in pro-government events.

Keywords: protest, protest potential, youth, students, regions, Russian Federation, Siberia, Russian Far East

For citation: Kazantsev, D.A. (2022). Escape from politics: Is there a future for youth political protest in Siberia and the Far East? *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 904–917. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917>

Acknowledgements: The research has been conducted with financial support of The Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Social Research Expert Institute (EISI) as part of the scientific project № 21-011-31651 «Factors and channels that shape the political awareness and motivation of political participation among the students in near-border Siberian and Far Eastern regions».

Введение

За последние десятилетия молодежные протесты стали неотъемлемым элементом политической жизни многих стран, способствуя, в числе других факторов, возникновению мощных общественных движений и политическим (режимным) трансформациям. И если до 1970-х гг. общественные волнения рассматривались как формы существования общественных движений (например, М. Зальдом, Р. Эшем), возникающие в результате объединения стихийных и неорганизованных реакций на социальное неравенство, резких изменений в социуме, то с 1970-х гг. протест определяется исследователями (теории политического процесса и мобилизации ресурсов; теория новых общественных движений [Buechler 2013; Ishkanian 2022]) как метод и среда функционирования обществен-

ных движений. Или вообще перестает связываться с ними: здесь уместным будет вспомнить теории волн демократизации С. Хантингтона [Хантингтон 2003], бесшумной революции Р. Инглхарта [Инглхарт 2011] и выводы, полученные в последние годы представителями неинституционального подхода [Асемоглу, Робинсон 2015].

В начале XXI в. все чаще объектом научного изучения становятся молодежные протесты [Herrera 2012; Sawyer et al. 2021; Романов, Мещерина, Коротаев 2021; Shentyakova, Grishin 2021; Renström, Aspernäs, Bäck 2021]. Так, к одному из ключевых факторов роста протестных настроений в социуме, наряду с другими, исследователи относят рост численности молодежи в демографической структуре [Горшков, Шереги 2020; Korotayev et al. 2021; Grasso, Giugni 2022]. О вовлеченности юношей и девушек в протестное движение с помощью социальных медиа пишут зарубежные и отечественные авторы [Ушкин 2014; Титов 2020; Bergstrand, Whitham 2021; Yuen, Tang 2021; Bosi, Lavizzari, Portos 2022]. Кроме того, исследователи выявляют представления молодого поколения о типах коллективных акций [Borisovich Marin 2021] и причины выбора ими конкретных форм протеста в зависимости от его масштабов и текущей общественно-политической ситуации [Камионка 2020; Tazitdinovich Mukhaev et al. 2021; Щепланова и др. 2020; Antonova, Musaev, Antonova 2020; Агапов 2020].

Вместе с тем проблема прогнозирования протестных настроений молодых людей не теряет своей актуальности в связи с подвижностью, как общественно-го мнения, политического процесса, так и состава учащейся молодежи. Целью исследования выступает оценка состояния и факторов актуализации протестного потенциала учащейся молодежи как одного из активных участников протестов в приграничных регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на современном этапе.

Методология исследования

Эмпирической базой исследования стали 14 фокус-групповых исследований (далее — ФГ), проведенных по стандартизированному гайдю в октябре-ноябре 2021 г. в регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (далее — СФО и ДФО) с учащимися 10–11-х классов, студентами ссузов и вузов. Объем выборки — более 100 человек, выборка квотная. География проекта: Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай (далее соответственно: АК, ЗК, ПК, ХК, ОО, РТ, РБ, РА). Высказывания участников ФГ выделены курсивом и приведены в кавычках. Проценты округлены до целых значений. В скобках к ним закодированы образовательные учреждения: например, Ш.АК — что означает «школа в Алтайском крае»; С.РТ — ссуз в Республике Тыва (также СПО); В.ДФО — вуз в Дальневосточном федеральном округе.

Особую группу методов составил анализ социальных сетей (далее — SNA; использовались инструменты Google Trends, Wordstat, TargetHunter), позволивший установить характеристики информационного фона протестных выступлений.

Его применение было обусловлено данными проекта «Всемирный опрос ценностей» (далее — WVS), согласно которым подрастающие поколения чаще, чем другие сегменты населения, используют Интернет в качестве источника информации о политике, реже — телевидение, радио и газеты. Сверх того, WVS показывает устойчивую и статистически значимую корреляцию между типом каналов коммуникации, к которым прибегают молодые люди, и особенностями их политического сознания и участия. Например, высокая оценка демократии свойственна в большей мере молодым информантам, предпочитающим Интернет в качестве неотъемлемого средства общения, что характерно и для других возрастов, однако отличия проявляются в степени выраженности и характере этой зависимости¹.

Проведенные в октябре-ноябре 2021 г. фокус-групповые исследования подтвердили, что респонденты активно прибегают к новым социальным медиа, чтобы черпать из них информацию о массовых протестных акциях (более 80 % ответов). Вдобавок опрошенные оценивают цифровизацию политики в основном положительно, так как это «комфортно», но отмечают опасный, по их мнению, тренд на политизацию Интернета: «наступление пропаганды в некогда свободное от цензуры пространство». В связи с этим в сентябре 2021 г. были изучены информационная среда и фон восьми регионов СФО и ДФО, которые предвещали протестные выступления в 2020–2021 гг. Основная гипотеза состояла в том, что ценности и установки молодых людей, выступающие мотивами их протестного поведения, формируются и артикулируются в пространстве дискурса в социальных сетях. Эксплораторному анализу социальных сетей были подвергнуты наиболее популярные в молодежной среде и доступные для имеющихся инструментов исследования социальные сети «ВКонтакте» и «ТикТок».

Протестный потенциал учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока

Как показывают скрининг-анкета и анализ социальных сетей на момент проведения опроса, молодые люди выражали свою гражданскую позицию различными способами. В первую очередь они обращались к сетевым формам коммуникации, что с учетом особенностей социальной группы, к которой они принадлежат, вполне закономерно. Так, 54 % обсуждали политику в социальных медиа, 42 % подписывали петиции в сети, 16 % репостили политическую информацию. На этом фоне 33 % заявили о своем участии в выборах, 25 % — в работе общественных организаций, 13 % — в митингах, демонстрациях, пикетах, шествиях, 22 % отметили обращение в государственные органы, по 10 % обращались в общественные организации и участвовали в работе политических партий.

¹ Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (Eds.). World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (accessed: 20.01.22).

Форматы, которыми молодежь описывает свою заинтересованность в политических акциях, довольно узки. Не будет преувеличением сказать, что более 80 % информантов понимали под ними протестные ивенты, то есть митинги, шествия, демонстрации, причем предельно конкретные. Похоже, в сознании молодых людей существует убежденность, что политическая акция — это, прежде всего, протест. Еще одной любопытной деталью является то, что интервьюируемые сообщали об очень конкретных событиях, прошедших за последний год в политической жизни России. Юноши и девушки иллюстрировали свои примеры митингами в поддержку А.А. Навального, ссылались на протесты в Хабаровске, некоторые говорили о митингах, посвященных локальным городским или региональным проблемам, например теме экологии.

Это же подтверждает анализ социальных медиа инструментами Google Trends, Wordstat, TargetHunter, зафиксировавший мощный рост статистики поисковых запросов по теме протестов и митингов в поддержку С.И. Фургала и А.А. Навального соответственно в периоды с июля по сентябрь 2020 г. и с конца декабря 2020 г. по середину января 2021 г. В российском сегменте «ТикТок» общее количество просмотров видеороликов под хештегами, связанными с А.А. Навальным и С.И. Фургалом, достигло к марту 2021 г. более 10 миллиардов единиц. При этом содержание материалов было чрезвычайно разнородным, однако можно выделить четыре основные тематические группы. В первой, самой многочисленной, большинство видео касалось героизации образов политиков. Во второй видео носили формат жизнеописания Навального и Фургала. Материалы в третьей группе появлялись по итогам митингов, демонстраций, где показывалась жестокость применяемого полицией насилия в отношении протестующих. Четвертые представляли собой отрывки новостей федеральных каналов. Каждая единица анализа сопровождалась очень большим числом (порядка нескольких миллиардов) активностей, то есть комментариев, лайков, репостов и обсуждений.

Нельзя не заметить дефицита провластных мероприятий в опыте опрошенных: о его существовании уведомляли единицы. По сравнению с исследованиями 2019–2020 гг., которые буквально перед январскими событиями 2021 г. выявили повышенный интерес молодежи к теме протеста, а также запрос на него, сегодня можно констатировать изменение тенденции [Казанцев 2021]. За прошлый год произошла трансформация моделей политического участия молодежи от состояния любопытства к стратегии уклонения или, образно говоря, «бегства от политики».

Факторами такого политического поведения выступил комплекс мотивов, которые, разумеется, пересекаются друг с другом. Между тем для целей настоящей статьи выделим их в отдельные типы, имея в виду, что один и тот же человек может обладать несколькими мотивациями, определяющими его отношение к протестным акциям.

Один из них — интерес со стороны информанта к протестным акциям, особенно проводимым онлайн, а также влияние объективных и (или)

непредвиденных причин на возможность его участия или неучастия в описываемых событиях (не менее 40 %). Об отсутствии интереса к протестным акциям, как правило, заявляют респонденты, не интересующиеся политикой, также работающие или не имеющие свободного времени. Малая доля членов ФГ не пошла на митинги, так как «...не охота выходить, неохота стоять...» (Ш.ЗК). Иногда опрошенные говорят, что не принимали участия в акциях протеста потому, что были больны, не располагали временем (Ш.РБ; В.ЗК и др.), им не исполнилось 18 лет (С.РТ), они не знали об акциях (В.РТ) или занимались другими делами (Ш.АК; В.РТ и др.). «*Маленький город, — жалуются респонденты, — потому и не вышел*» и «*В нашем регионе не было особо протестов*», — еще один вид аргументов.

Тут же находятся мотивы, которые стимулируют молодежь выходить на улицу и «*предъявлять власти*». Обычно ими становятся социально-экономические проблемы общества («...принимала, в поддержку Навального ...он затрагивает очень важные темы» (В.ЗК)), интерес к теме протеста («...было интересно посмотреть, какая реакция властей будет» (В.ЗК)), чувство несправедливости («...наши права нарушаются, повышают пенсионный возраст...» (С.РБ; В.РБ и др.)).

Следующий фактор мотивации — субъективные ощущения страха, опасности, тревоги, рационализированные переживания за статус-кво или чувства воодушевления, радости, несправедливости (не менее 30–40 %). Первые относятся к демотиваторам протестного поведения и зачастую связаны с переживаниями, связанными со своим социальным статусом и безопасностью, боязнью навредить родителям и родственникам, тревогой за свое будущее и карьеру, страхом за свое здоровье и физическое состояние. Сюда же относится неотрефлексированное чувство опасности, например, страх перед большим скоплением людей, чувство «*неминуемого насилия*». В этом случае респонденты не всегда могут объяснить свою мотивацию, транслируя стереотипизированные, распространенные в массовом сознании, тревоги и страхи.

О солидарности и единении с протестующими говорит лишь малая часть респондентов (10–15 %). Особенно это касается жителей Хабаровского края, которых объединял митинг в поддержку С.И. Фургала: «*Я была горда за хабаровчан...*» (С.ДФО).

Позиция респондентов, заключающаяся в критике протеста как формы политического участия из-за неэффективности коллективных действий, бессмысленности и (или) недоверии к ней, — еще один демотиватор политического поведения (не менее 30 %). По мнению этой группы молодежи, участие в шествиях, демонстрациях, митингах — не есть лучшая форма воздействия на власть, потому что митинги малочисленны, особенно при таких «*размерах страны*». Успешными же они будут тогда, когда «*власть ослабнет*» и появится «*...хороший лидер*». Бесполезными, как считают опрошенные, протестные акции являются также потому, что «*ситуация в стране не меняется*». Кроме того, власть попросту не слушает население, считают молодые люди. Свою долю вносят и радикально настроенные информанты: они сомневаются в эффективности

мирных протестов, так как *«практика показывает, что они ни к чему не приводят»* (В.ДФО). Респонденты, поддерживающие действующую власть, оправдывают сложившиеся правила игры и политическую систему, они говорят, что их *«...пока все устраивает»* (Ш.РА).

В свою очередь, протесты эффективны из-за *«количества участников»* (Ш.ЗК), что *«пугает»* власть (В.ЗК). Акции могут быть продуктивными, считает часть интервьюируемых, в случае правильного позиционирования, общественного резонанса и продвижения мероприятий. Успех протестов, по мнению опрошенных, можно измерить набором критериев, поэтому если конкретное мероприятие не дало быстрой отдачи, то это вовсе не означает проигрыша или его неэффективности. Омский информант дополняет: *«Митинги эффективны даже не для того, чтобы свергнуть власть, а чтобы ее скорректировать»* (В.ОО).

Часть респондентов, как было сказано ранее, затрудняются определить эффективность протестных акций или называют их продуктивность *«спорной»* (С.РБ; В.РТ). Некоторые не отвечают на вопрос прямо, но призывают людей *«активно и негативно комментировать в Интернете»* действия властей, которые не нравятся населению, тогда *«...правительство, может, и задумается...»* (Ш.РА; В.ЗК). Есть проверенные временем забастовки, их невозможно игнорировать, говорят омские студенты, потому что *«...все встанет, вся логистика...»* (В.ОМ). Нормативные и конвенциональные способы коммуникации с государством являются более действенным средством воздействия на власть, считают некоторые опрошенные: *«Лучше подписать петицию, бюрократия у нас более развита, чем свобода слова»* (В.ДФО; В.РБ).

Наконец, фактором как мотивации, так и демотивации молодежи к протесту может быть поддержка со стороны ближайшего окружения или, напротив, прямые запреты и (или) угрозы, физическое и (или) психологическое давление со стороны родителей, родственников, преподавателей образовательных учреждений, полиции и влияние других агентов политической социализации (не более 15 %). Некоторые респонденты утверждали, что им запрещали участвовать в протестах учителя: *«они просто держали нас в школе...»* (Ш.АК), отмечали факты запугивания и угроз со стороны взрослых. В то же время многих это не останавливало и, наоборот, имело обратный эффект: *«Было бы интересно сходить и посмотреть, чем все закончится», «я только сильнее разошелся»,* — об этом сообщили не менее 15 % опрошенных. Можно уверенно заключить, что давление учителей, родителей, органов власти и других акторов повлияло на принятие молодыми людьми решения об участии или неучастии в акциях протеста. Студенты вузов в ДФО часто жаловались на дефицит лидеров, способных организовать протест. Часть интервьюируемых проявляют конформистское поведение, так как они не хотят и не желают конфликтовать с родственниками: *«Старшее поколение в моем окружении осуждает эти акции и митинги. Поэтому я не хочу с ними выходить на конфликт по поводу своего участия»* (Ш.АК). Опрошенные из Хабаровского и Приморского края говорили, что полиция совершала рейды в их образовательные учреждения (28 %): *«Нет, никто не выходил, поскольку приходила полиция, и все расходилось».*

По итогу фокус-групп респонденты разделились на две категории. Одна состоит из людей, которые вообще не имеют установок на протестное поведение (не менее 50 %). Вторая совокупность респондентов образована молодежью, допускающей для себя возможность протестного поведения при соблюдении определенных условий (39 %). В качестве таковых, во-первых, выступает беспокойство по поводу расширения функций правительства и полного контроля власти над социумом, «ужесточения» политического режима и превращения государства в полицейское, когда на то, «чтобы открыть холодильник, ...ты спрашиваешь разрешение» (В.ДФО), а также ограничения персональных прав и свобод молодых людей, их возможности самореализовываться: «Если у нас, как в Северной Корее, решит Правительство ограничить свободу, то я выйду» (В.ЗК; С.ДФО и др.). Во-вторых, наличие угрозы статусу родственников, знакомых опрошенных, личности самого информанта или социально-экономических проблем у них: «задержка зарплат, субсидий, пособий» (Ш.АК; В.ДФО и др.). В-третьих, требуется совпадение темы протеста с интересами интервьюируемого: «Например, сейчас я бы вышла против пенсионной реформы...» (Ш.РБ; С.РТ). Кроме того, не исключена материальная заинтересованность: «...если бы деньги заплатили...» (С.АК; С.РТ). При этом основная масса интервьюируемых подчеркивала, что для актуализации их протестных установок необходим связанный комплекс факторов, в конкретный момент влияющий на положение их семьи, страны, на них самих.

Рис. 1. Мотивы субъекта, принимающего решение об участии в протестных акциях

Источник: составлено автором.

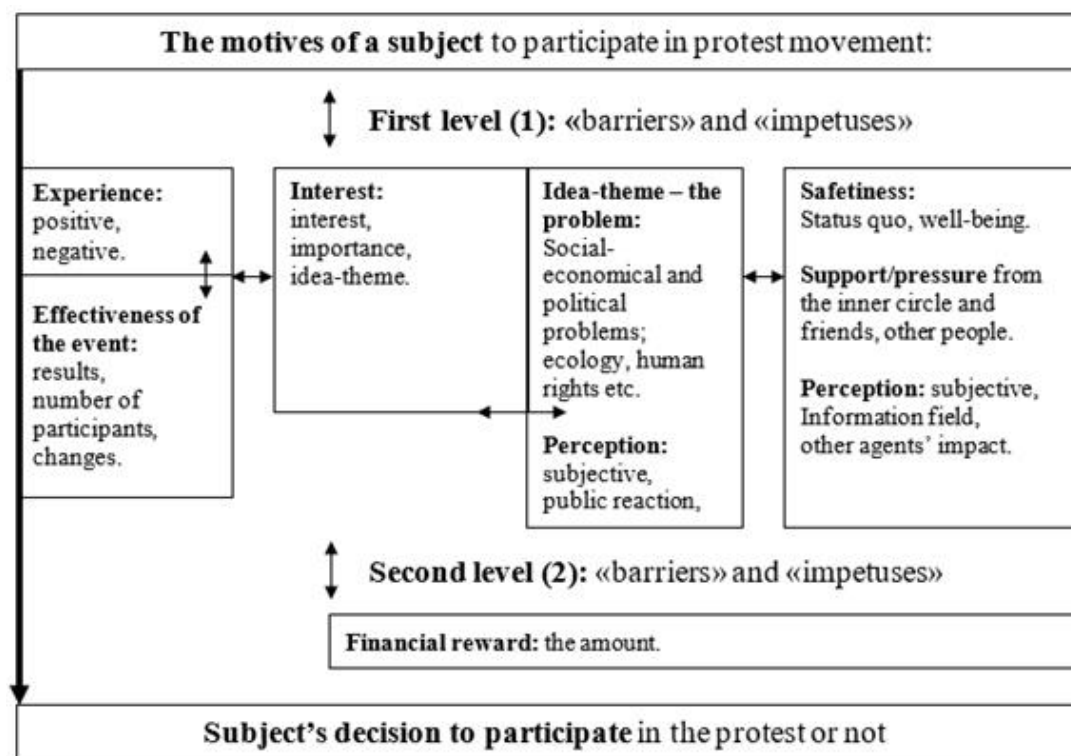

Figure 1. Motives of a subject making decision on participating in protest

Source: made by author.

Уместно применить к данному положению вещей три аналогии: «игра», «барьер» и «стимул» (рис. 1). Метафора игры описывает ситуацию принятия молодым человеком решения об участии или неучастии в протестной акции, когда он интуитивно или рационально оценивает существующие возможности и риски, ведущие к более или менее выгодным исходам его действий. Критериями выбора для него выступает степень актуальности и значимости барьеров и стимулов, условно разделяемых на два уровня: первичный (базовый) и вторичный (бонус). Некоторые барьеры и стимулы первого уровня могут перемещаться на второй. Но исходный стимул вторичного уровня в виде материального вознаграждения отправиться на первый уровень не может. Члены ФГ подчеркивали, что денежные средства могут стимулировать их участие в протестах, но только если эти протесты будут обеспечивать минимальный уровень безопасности, совпадать с интересами опрошенных и т.д. К этому следует добавить: респонденты находятся в постоянно меняющемся цифровом пространстве, что накладывает отпечаток на субъективное восприятие указанных мотивов, которые, в зависимости от политической ситуации, ощущаются то стимулом, то барьером. Иными словами, если информант оценивает ситуацию негативно, как совокупность трудностей и препятствий (барьеров), то вероятность его входа в игру снижается. Обратный сценарий предполагает, что субъект, встречая меньшее по объему сопротивление или факторы, стимулирующие его к игре, включается в нее с большей вероятностью. На деле ситуация гораздо сложнее: не всегда ко-

личество барьеров и стимулов — показатель включенности индивида в протест. Устройство и формат институтов также влияет на повышение или уменьшение инклюзии игрока. Действительно, как признавались респонденты в своем интервью, убедительные угрозы со стороны агентов политической социализации (в первую очередь родителей и образовательных учреждений) вынуждали их избирать конвенциональную стратегию действий, то есть тактику неучастия в протестах. Однако, в зависимости от картины мира индивида и его индивидуально-психологических особенностей, а также иных мотивов информанта, эта же ситуация могла бы стать причиной высокой инклюзии игрока в протестные действия. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо рассматривать комплекс взаимосвязей в мотивациях молодого человека и сложившиеся в политической системе институты, которые либо позволяют, либо запрещают игрокам избирать те или иные игровые стратегии.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ выявил преобладание в политическом сознании молодежи в конце 2021 г. установок на уклонение от участия в политических акциях, особенно массовых протестных ивентах. Трансформация административных и уголовных норм права, регулирующих публичные акции, преследования политических активистов, и в целом расширение административного и уголовного давления на инакомыслящих граждан позволили властям снизить не только уровень протестного потенциала молодых людей, но также актуальность и значимость протестных мероприятий. Молодежь, которая, по материалам исследований 2018–2020 гг., проявляла повышенный интерес к теме протеста, столкнувшись с ним напрямую, отступила назад, испытывая на себе натиск всевозможных угроз, давления и страхов. Более того, протестные акции стали рассматриваться ею в качестве крайней меры воздействия на власть, обращение к которой сопряжено с серьезными издержками для социальной жизни молодого человека. При этом саму молодежь, как социальную группу, необходимо дифференцировать, поскольку один ее сегмент удовлетворил любопытство к теме протеста и не имеет установки на участие в нем в дальнейшем, другой же выбрал стратегию «бегства» из-за опасений потерять статус-кво. Третий, самый многочисленный, не наблюдая перемен по итогам митингов, счел результаты протестных выступлений непродуктивными, что в конце концов привело опрошенных к осознанию неэффективности такой модели политического участия.

Таким образом, можно констатировать, что итогом протестной кампании 2020–2021 гг. стал низкий протестный потенциал молодежи, выражающийся в отсутствии у нее желания выходить на улицы и, тем более, инициировать массовые протестные акции. Тем не менее факторами его актуализации могут стать экстраординарные и серьезные события в жизни страны и респондентов, когда угроза статусу-кво и комфорту последних станет осязаемой (социально-экономические проблемы, чувство несправедливости, вера в эффективность

коллективных действий, ограничения свободы и прав человека), на фоне распространения в массовом сознании убежденности в неспособности государства справиться с возникшими проблемами и социального одобрения протеста. Важно понимать, что тактика уклонения молодежи от политики свойственна не только в отношении протестных событий, но и провластных мероприятий. Поэтому наблюдаемое в данный момент ограничение властями каналов артикуляции и агрегации интересов молодых людей, централизация управления молодежной активностью могут приводить как к маргинализации молодежи, так и ее радикализации, что требует дальнейшего изучения.

Поступила в редакцию / Received: 04.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Агапов П.В., Смылова В.Н.* Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 6. С. 855–871. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(6\).855-871](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(6).855-871)
- Асемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Казанцев Д.А.* Особенности политического участия молодежи в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2021. № 14. С. 43–46.
- Камионка М.М.* Юный революционер? Уровень радикализма как фактор протестных настроений украинской молодежи // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/21>
- Романов Д.М., Мещерина К.В., Коротаев А.В.* Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 3. С. 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>
- Титов В.В.* Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.167>
- Ушкин С.Г.* Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // *Власть*. 2014, № 8. С. 139–142.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
- Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю.* Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 3. С. 595–610. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>

- Antonova N.L., Musaev T.I., Antonova P.O. Right to the city: youth's view to live in the city // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2020. 962 032076. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/962/3/032076>
- Bergstrand K., Whitham M. Targeted appeals: online social movement frame packaging and tactics customized for youth // *Social Movement Studies*. 2021. Vol. 21. Iss. 4. P. 493–510. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.1920386>
- Borisovich Marin E. (2021). Protest Consciousness of the Russian Youth (on the Example of the Russian Far East) // *Propósitos y Representaciones*, 9(SPE3), e1267. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1267>
- Bosi L., Lavizzari A., Portos M. The impact of intolerance on young people's online political participation // *Politics*. 2022. Vol. 42, no. 1. P. 95–127. <https://doi.org/10.1177/02633957211014453/>
- Buechler S. New Social Movements and New Social Movement Theory // *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements* / Snow D.A., della Porta D., Klandermans B., McAdam D. (Eds.). Wiley-Blackwell, 2013. <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbbspml43>
- Grasso M., Giugni M. Youth doing politics in times of increasing inequalities // *Politics*. 2022. Vol. 42, no. 1. P. 3–12. <https://doi.org/10.1177/02633957211042738>
- Herrera L. Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt // *Harvard Educational Review*. 2012. Vol. 82, no. 3. P. 333–352. <https://doi.org/10.1177/0017763/haer.82.3.88267r117u710300>
- Ishkanian A. Social Movements and Social Policy: New Research Horizons // *Journal of Social Policy*. 2022. Vol. 51, no. 3. P. 582–595. <https://doi.org/10.1017/S0047279421001008>
- Korotayev A., Sawyer P., Gladyshev M., Romanov D., Shishkina A. Some Sociodemographic Factors of the Intensity of Anti-Government Demonstrations: Youth Bulges, Urbanization, and Protests // *The Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20, no. 3. P. 98–128.
- Renström E.A., Aspernäs J., Bäck H. The young protester: the impact of belongingness needs on political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 24, no. 6. P. 781–798, <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1768229>
- Sawyer P.S., Romanov D.M., Slav M., Korotayev A.V. Urbanization, the Youth, and Protest: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*. 2022. Vol. 56, no. 2–3. P. 125–149. <https://doi.org/10.1177/10693971211059762>
- Shentyakova A., Grishin N. The Mobilization of Youth Political Protest and Russian Video Bloggers: Cognitive Mapping Results // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Vol. 3, no. 2. P. 88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
- Tazitdinovich Mukhaev R., Shevchenko O., Dudina O., Vasilyevich Denikin A., Dmitrievna Denikina Z. Media Consumption and Media Behavior of Contemporary Russian Youth as Constructs of Protest Identity // *Propósitos y Representaciones. Journal of Educational Psychology*. 2021. 9(SPE3), e1268. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1268>
- Yuen S., Tang G. Instagram² and social capital: youth activism in a networked movement // *Social Movement Studies*. 2021. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.2011189>

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J.A. (2015). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian). [Acemoglu, D., & Robinson, J.A. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.]

² 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Agapov, P.V., & Smyslova, V.N. (2020). Prosecutor's supervision over law enforcement in countering extremism in the conditions of radicalization and growth of the protest activity of population: issues of theory and practice. *Russian Journal of Criminology*, 14(6), 855–871. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(6\).855-871](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(6).855-871)
- Antonova, N.L., Musaev, T.I., & Antonova, P.O. (2020). Right to the city: Youth's view to live in the city. *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.* 962 032076. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/962/3/032076>
- Bergstrand, K., & Whitham, M. (2021). Targeted appeals: Online social movement frame packaging and tactics customized for youth. *Social Movement Studies*, 21(4), 493–510. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.1920386>
- Borisovich Marin, E. (2021). Protest consciousness of the Russian youth (on the example of the Russian Far East). *Propósitos y Representaciones*, 9(SPE3), e1267. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1267>
- Bosi, L., Lavizzari, A., & Portos, M. (2022). The impact of intolerance on young people's online political participation. *Politics*, 42(1), 95–127. <https://doi.org/10.1177/02633957211014453/>
- Buechler, S. (2013). New Social Movements and New Social Movement Theory. In D.A. Snow, D. della Porta, B. Klandermans, & D. McAdam (Eds.), *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm143>
- Gorshkov, M.K., & Sheregi, F.E. (2020). *The Youth of Russia in the Mirror of Sociology. To the Results of Many Years of Research*. Moscow: FCTAS RAS. (In Russian).
- Grasso, M., & Giugni, M. (2022) Youth doing politics in times of increasing inequalities. *Politics*, 42(1), 3–12. <https://doi.org/10.1177/02633957211042738>
- Herrera, L. (2012). Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt. *Harvard Educational Review*, 82(3), 333–352. <https://doi.org/10.17763/haer.82.3.88267r117u710300>
- Huntington, S. (2003). *The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow, Novoye Izdatelstvo Publishing House. (In Russian). [Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press].
- Ishkanian, A. (2022). Social movements and social policy: New research horizons. *Journal of Social Policy*, 51(3), 582–595. <https://doi.org/10.1017/S0047279421001008>
- Kamionka, M.M. (2020). The Young Revolutionary? The Level of Radicalism as a Factor of Protest Moods of the Ukrainian Youth. *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science*, 57. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/21>. (In Russian).
- Kazantsev, D.A. (2021). The Features of the Political Participation of Youth in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Russian Political Process in the Regional Dimension: History, Theory, Practice*, 14, 43–46 (In Russian).
- Korotayev, A., Sawyer, P., Gladyshev, M., Romanov, D., & Shishkina A. (2021) Some sociodemographic factors of the intensity of anti-government demonstrations: Youth bulges, urbanization, and protests. *The Russian Sociological Review*, 20(3), 98–128. (In Russian).
- Renström, E.A., Aspernäs, J., & Bäck, H. (2021) The young protester: The impact of belongingness needs on political engagement. *Journal of Youth Studies*, 24(6), 781–798. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1768229>
- Romanov, D.M., Meshcherina, K.V., & Korotaev, A.V. (2021). The share of youth in the total adult population as a factor of the intensity of non-violent protests: The quantitative analysis. *Polis. Political studies*, (3), 166–181. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>

- Sawyer, P.S., Romanov, D.M., Slav, M., & Korotayev, A.V. (2022). Urbanization, the youth, and protest: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research*, 56(2–3), 125–149. <https://doi.org/10.1177/10693971211059762>
- Shcheblanova, V.V., Loginova, L.V., Zaitsev, D.V., & Surkova, I.Y. (2020). Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region. *RUDN Journal of Sociology*, 20(3), 595–610. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>
- Shentyakova, A., & Grishin, N. (2021). The mobilization of youth *political protest and Russian video bloggers: Cognitive mapping results*. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(2), 88–109. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
- Tazitdinovich Mukhaev, R., Shevchenko, O., Dudina, O., Vasilyevich Denikin, A., & Dmitrievna Denikina, Z. (2021). Media Consumption and Media Behavior of Contemporary Russian Youth as Constructs of Protest Identity. *Propósitos y Representaciones. Journal of Educational Psychology*, 9(SPE3), e1268. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1268>
- Titov, V.V. (2020). Strategies of youth social protest on the Russian Internet (RuNet): A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 139–158. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.167>
- Ushkin, S.G. (2014). The involvement of social network users in the protest movement. *Vlast'*, (8), 139–142. (In Russian).
- Yuen, S., & Tang, G. (2021). Instagram³ and social capital: Youth activism in a networked movement. *Social Movement Studies*, <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.2011189>

Сведения об авторе:

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

About the author:

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413).

³ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.